

О.Б. Дашинамжилов
В.В. Лыгденова*

O.B. Dashinamzhilov
V.V. Lygdenova*

**Опыт исследования воспроизводства
и миграции этноса в 1959–1989 годах:
на примере бурятского населения
Предбайкалья**

**Experience in Research
of Reproduction and Migration
of an Ethnic Group in 1959–1989s:
by the Example of the Buryat
Population of the Pre-Baikal Region**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-12

УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:

Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Опыт исследования воспроизводства и миграции этноса в 1959–1989 годах: на примере бурятского населения Предбайкалья // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 154–163. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-12.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-12

How to cite:

Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V. Experience in Research of Reproduction and Migration of an Ethnic Group in 1959–1989s: by the Example of the Buryat Population of the Pre-Baikal Region // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 154–163. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-12.pdf>

Abstract. In the present time ethnic aspects of demographic development of population attracts a lot of attention. Due to this it is possible to explain dynamics of population number in multinational regions. Nowadays for various historical reasons rather often a territory of some people's settlements is divided by administrative and regional borders. It might not make an impact on the reproduction and migration of population because the regions have significant differences in their dynamics of social economic, cultural and political development. Historically, the districts of major settlements of the Buryats in Russia are the Irkutsk, Chita regions and the Republic of Buryatia. In the present paper the authors analyze specifics of processes of the Buryats settlement in Irkutsk region. Questions of natural movement and migrations of the Buryats in Predbaykalye in the 1960–1980s practically have not been analyzed. Researchers primarily paid attention to studies of the Republic of Buryatia. Chronologically the work spans a 30-years period beginning from 1959 and up to 1989. The work is supported by a theory of demographic transition explaining how the traditional type of reproduction is replaced by the modern type. The data of demographic statistics was a resource basis of the paper. Information about number, territorial settlement, age and social composition of ethnos was collected from Censuses. Information about current population statistics was necessary for calculations of natural and mechanical growth, assimilation, expected life duration and the total fertility rate. It was established that dynamics of the Buryat population of the Irkutsk region had significant specifics. The authors show that the speed of demographic transition which was the highest in the early 1960s later slowed down due to a moderate growth of urban population share. Peculiarities of natural growth and migration influenced the size of the Buryat population in 1959–1989s as the rate of its growth was the lowest among the areas of priority settlement.

Keywords: ethnodemography; the Buryats: ethnos; the Irkutsk region; demographic transition.

The article has been received by the editor on 30.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дашинамжилов Одон Борисович**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Odon@bk.ru

Dashinamzhilov Odon B., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: Odon@bk.ru

Лыгденова Виктория Васильевна, кандидат философских наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Asterisk1980@mail.ru

Lygdenova Victoria V., Candidate of Philosophy, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: Asterisk1980@mail.ru

Аннотация. Немалый интерес представляет изучение этнических аспектов демографического развития населения. Благодаря этому можно объяснить динамику численности жителей в многонациональных регионах. Довольно частыми являются случаи, когда вследствие разнообразных исторических причин территория проживания одного народа разделена административными или государственными границами. Это не может не оказывать воздействие на воспроизводство и миграцию населения, т.к. регионы серьезно отличаются своей динамикой социально-экономического, культурного и политического развития. Исторически сложилось, что районы преимущественного расселения бурят в России находятся в Иркутской, Читинской областях и Республике Бурятия. В статье проанализирована специфика процессов народонаселения у бурят в Иркутской области. Вопросы естественного движения и миграции бурятского населения в Предбайкалье в 1960–1980-е гг. практически не анализировались. Исследователи сконцентрировали свое внимание преимущественно на изучении Республики Бурятия. Хронологически работа охватывает 30-летний период, начиная с 1959 до 1989 г. Работа опирается на теорию демографического перехода, которая объясняет смену традиционного типа воспроизводства населения современным. Источниковой базой статьи стали данные демографической статистики. Из переписей были получены сведения о численности, территориальном размещении, возрастном и социальном составе. Сведения текущего учета были необходимы для расчетов естественного и механического прироста, ассимиляции, ожидаемой продолжительности жизни и суммарного коэффициента рождаемости. В работе впервые установлено, что динамика бурятского населения Иркутской области обладала значительной спецификой. Показано, что темпы демографического перехода, которые первоначально в 1960-е гг. были самыми высокими, в последующие десятилетия замедлились, прежде всего, из-за умеренного роста доли городских жителей. Особенности естественного прироста и миграции повлияли на численность народа в 1959–1989 гг., которая среди регионов преимущественного расселения повысилась меньше всего.

Ключевые слова: этнодемография; буряты; этнос; Иркутская область; демографический переход.

Вследствие разных исторических причин территории преимущественного расселения народов нередко разделены административными или государственными границами, что влияет на процессы воспроизводства и миграции. Регионы преимущественного расселения бурят в России находятся в Иркутской, Читинской областях и Республике Бурятия. В настоящей статье мы проанализируем специфику процессов народонаселения бурятского этноса в Иркутской области.

В ряде работ в той или иной степени затрагивается эта проблема. В трудах Б.В. Базарова, М.Н. Балдано, К.Д. Басоевой, Н.Л. Жуковской, В.И. Затеева, Д.Д. Мангатаевой, В.С. Ханхараева исследовались численность, территориальное размещение, семейный состав бурятского населения¹. Однако детально вопросы естественного движения и миграции в 1960–1980-е гг. в публикациях перечисленных авторов не анализировались. К тому же они сконцентрировали свое внимание преимущественно на изучении бурят, проживающих в Республике Бурятия. Именно поэтому высокий интерес представляет изучение территори-

¹ Базаров Б.В. Этносоциальные процессы в современной Бурятии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 40–44; 3. Балдано М.Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 93–100; Басоева К.Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX века). Новосибирск, 1980; Жуковская Н.Л. От Карелии до Урала: рассказы о народах России: кн. для чтения по курсам «История род. края», «Народоведение». М., 1998; Затеев В.И., Хараев Б.В. Демографические аспекты этносоциальной структуры Бурятии // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 115–121; Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995; Ханхараев В.С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ, 2001.

альных аспектов демографических процессов у этноса. Хронологически работа охватывает 30-летний период, начиная с 1959 г. и вплоть до 1989 г.

Исследование опирается на теорию демографического перехода, которая объясняет смену традиционного типа воспроизводства населения современным². Первый из них отличается высокими смертностью и рождаемостью, при этом естественный прирост колеблется в зависимости от исторических условий, сохраняя в основном небольшие положительные значения. При этом высокие рождаемость и смертность присущи не только доиндустриальным, аграрным обществам, но также обществам, находящимся в переходном состоянии и на начальных фазах индустриализации. Современный тип характеризуется низкими рождаемостью, смертностью и естественным приростом, который может стать отрицательным, если число смертей превысит количество рождений. Такой переход в своем развитии реализуется в три этапа.

На первом из них в результате технического прогресса, успехов медицины, улучшения благосостояния и условий жизни людей начинает снижаться смертность от инфекционных заболеваний, т.е. самых распространенных причин смерти в аграрном обществе, рождаемость первоначально остается на прежнем, значительном уровне. Естественный прирост резко повышается, происходит т.н. «демографический взрыв», когда население увеличивается на 2,5–3,0 % ежегодно. Россия прошла эту фазу в конце XIX – 20-е гг. XX в. На второй фазе рождаемость начинает быстро уменьшаться, но также замедляются темпы сокращения смертности. Хотя воспроизводство остается расширенным, интенсивность роста численности населения падает и варьирует в пределах 1,0–2,5 % (1920–1950-е гг. XX в.).

На третьей фазе внутрисемейное регулирование рождаемости становится повсеместной практикой, а после ликвидации значительной части инфекционных и паразитарных болезней смертность уменьшается медленно, ежегодный прирост населения падает до 1,0 % и ниже. Принято считать, что в России этот этап начался в 1960-е гг. Вместе с тем демографический переход у многих национальностей Советского Союза по ряду причин начался в разное время и шел разной скоростью. В этой связи большой научный интерес представляет то, с какими особенностями он шел у бурятского этноса. Для решения задач исследования в комплексе использованы как демографические, так и исторические методы.

Источниковой базой работы стали данные демографической статистики. Из Всесоюзных переписей были получены сведения о численности, территориальном размещении, возрастном и социальном составе этноса. Сведения текущего учета были необходимы для расчетов естественного и механического прироста, ассимиляции, ожидаемой продолжительности жизни и суммарного коэффициента рождаемости. Это, прежде всего, форма № 2 «Сведения о родившихся по возрасту и национальности матери»; форма № 3 «Сведения о родившихся и умерших по национальности»; форма № 4-г «Сведения об умерших по возрастам, полу и национальности и об умерших в возрасте до 5 лет по поколениям». Большая часть этих материалов была извлечена из фондов центральных и региональных государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Государственного архива Иркутской области.

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г., на территории Иркутской области проживало 28,0 % всех бурят РСФСР или 70,5 тыс. чел. За 30-летний период между переписями 1959 по 1989 гг. численность этноса увеличилась всего на 9,6 %, тогда как, например, в Читинской области – на 66,7 %, а в Бурятской АССР – на 83,7 %. Демографическая динамика отличалась неустойчивостью. Так, за 1959–1970 гг. количественное представительство бурят увеличилось на 4,0 %, в 1970–1979 гг. их численность даже снизилась на 3,0 %, но в 1979–1989 гг. вновь возросла (на 8,7 %). На этом фоне общее количество всех жителей Иркутской области последовательно увеличивалось: в 1959–1970 – на 17,0 %; в 1970–1979 гг. – на 10,6 %; в 1979–1989 гг. – на 10,4 % (всего за 1959–1989 гг. – на 43,4 %). Итак, проанализируем причины подобной специфики демографического развития.

² См. напр.: Вишневецкий А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М., 2005. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М., 2005.

В восточных районах страны, как и в России в целом в XX в. рождаемость постепенно сокращалась. В 1958/1959 гг., по нашим расчетам, суммарный коэффициент рождаемости для всего населения Иркутской области составил 3,069 ребенка на одну женщину, тогда как у бурят – 4,857. Это была самый низкий показатель среди районов преимущественного расселения этноса. Например, в Бурятской АССР – он находился на уровне 5,067³, а в Читинской области – 5,888.

Исторически тесное взаимодействие с русским населением и активное экономическое развитие Иркутской области оказали сильное воздействие на демографические процессы. Буряты Предбайкалья раньше освоили технику земледелия, быстрее переходили к оседлости, активнее участвовали в процессе урбанизации, лучше знали русский язык⁴. В советское время промышленность стала расти особенно быстро, значительно интенсивнее, чем, например, в Забайкалье⁵. За 1913–1960 гг. объемы индустриального производства в области увеличились в 79 раз, причем с достаточно высокого по меркам Восточной Сибири базового уровня, тогда как в Бурятской АССР – в 68, а в Читинской области – только в 34 раза⁶.

Активно формировалась угольная промышленность, повышались объемы золотодобычи, введены в строй крупные предприятия машиностроения, в годы войны в область было эвакуировано оборудование 22 заводов. В отличие от большинства других регионов, где экономический подъем происходил преимущественно в областном центре, строительство крупных предприятий осуществлялось во многих других городах, в т.ч. расположенных в непосредственной близости с районами, где проживало коренное население⁷. Это косвенно оказало воздействие на его воспроизводство и миграцию.

Еще в советское время демографами выделены и проанализированы важнейшие факторы рождаемости, среди которых основными являлись доля горожан в общем количестве жителей, социально-классовый состав, уровень образования, характер труда, культурное развитие населения⁸. Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. буряты жили в основном в сельской местности, и только 17,6 % из них являлись горожанами. Из них основная часть проживала в Иркутске, Ангарске, поселке Усть-Ордынский, некоторое количество – также в Усолье-Сибирском, Братске и Черемхово. При этом удельный вес горожан во всем населении области достиг 62,1 %, по этому показателю она заняла второе место в Сибири после Кузбасса.

Только половина бурят Предбайкалья являлась рабочими и служащими (51,0 %), причем часть рабочих относилась к труженикам совхозов, тогда как колхозниками были 48,8 % (прочие – 0,2 %). В Усть-Ордынском округе доля колхозников достигла 61,6 %. Из этого следует, что социальная структура в то время еще сохраняла «традиционные» черты, типичные для аграрного общества, хотя уже отмечено появление переходных форм. Если рассматривать Иркутскую область в целом, то там соотношение социальных групп было совсем иным: колхозниками являлись только 14,9 % населения, тогда как рабочими и служащими – 84,9 %.

Структуру занятости по отраслям народного хозяйства тоже можно отнести к переходному традиционному типу. Доля населения, работающего в лесном и сельском хозяйстве, достигла 61,4 %, в промышленности – 10,7%, тогда как у русских – соответственно, 17,2 % и

³ Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Демографический переход бурят Республики Бурятия в 1959–2010 гг. // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 187.

⁴ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.): очерки. М.; Л., 1940.

⁵ См. напр.: Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991.

⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: стат. ежегодн. М., 1961. С. 82.

⁷ См. напр.: Занданова Л.В., Урожаева Т.П. Миграции как фактор формирования населения молодых индустриальных городов Приангарья в 70–80-е гг. XX века // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 176–188.

⁸ Белова В.А. Число детей в семье. М., 1975; Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных исследований). М., 1974; Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

32,0 %. Буряты были заняты в основном в отраслях материального производства, не требующих высокой квалификации. Следует отметить, что подобная занятость была характерна для многих других национальностей СССР. Итак, совокупность вышеперечисленных факторов являлась условием сохранения высокой рождаемости. В то же время образовательный уровень бурятского этноса в 1959 г. был уже достаточно высоким, но в отличие от русских или украинцев понижающее воздействие этого фактора на рождаемость было значительно меньшим. Это подтверждают как данные наших социологических опросов, так и специальные исследования, которые проводились в 1960–1970-е гг. в отношении других народов.

Теперь переходим к анализу тенденций смертности. К началу рассматриваемого периода уровень жизни населения заметно повысился, произошли качественные и количественные перемены в здравоохранении. По сравнению с довоенным периодом значительно увеличилось количество врачей и больничных учреждений, улучшилась обеспеченность лекарствами и медицинским оборудованием. Например, за 1920–1950-е гг. заболеваемость активными формами туберкулеза в Усть-Ордынском округе снизилась в 3–4 раза, почти перестали выявляться запущенные формы болезни. Заболеваемость трахомой среди детей до 14 лет только за 1957–1959 гг. уменьшилась в пять раз. Удалось существенно сократить смертность от тифа, оспы, полиомиелита⁹. Важнейшим условием сокращения смертности являлась политика центральных органов власти, нацеленная на сглаживание межрегиональных различий социально-бытовых условий проживания населения.

Средняя продолжительность жизни бурятского населения достигла 65,54 лет и почти не отличалась от показателя по Иркутской области в целом (66,10 лет). Причем разница оказалась меньшей, чем в Бурятской АССР, где у бурят она составила 62,39 года, а у всего населения республики – 65,80 лет. При анализе возрастных коэффициентов выявлено, что смертность у бурятского этноса была больше в основном в молодых и средних пятилетних когортах, вплоть до 54 лет, в старших возрастах она, наоборот, была меньше. Интересно, что подобная картина наблюдалась в Читинской области, где продолжительность жизни бурят оказалась даже выше, чем у всего населения региона. Возможно, свою роль здесь сыграли традиции почитания старших и сравнительно невысокие на тот момент масштабы алкоголизации.

Итак, на основе вышеприведенных данных можно утверждать, что на рубеже 1950–1960-х гг. буряты Предбайкалья находились на первом этапе демографического перехода. Причем шел он по «догоняющей» или т.н. японско-мексиканской модели, когда рождаемость в период снижения смертности не остается на прежнем уровне (английская модель), но даже увеличивается, что подтверждают данные Всесоюзной переписи 1959 г. о возрастном составе бурят. Эта модель характерна для незападных обществ с изначально низким уровнем урбанизации, когда снижение смертности происходит не эволюционным, естественным путем вследствие социально-экономического прогресса, а благодаря заимствованию технических достижений, формированию современной сети учреждений здравоохранения и образования, переносу социальной организации и образа жизни промышленно развитых обществ. По нашему мнению, естественной реакцией населения на это является «мальтузианское» повышение рождаемости, которое, как известно, в традиционном обществе происходит вследствие улучшения условий жизни.

Недостаток материалов текущего учета за идущие следом после 1959 г. переписные годы (1970, 1979, 1989) вынуждает нас привлекать статистические данные за другие, ближайшие к ним. Используя имеющиеся в нашем распоряжении сведения, мы пришли к выводу, что суммарный коэффициент рождаемости у бурят Иркутской области к 1970 г. снизился примерно до 3,300 ребенка на одну женщину. Столь значительное падение произошло из-за нескольких причин. Во-первых, продолжала расти доля горожан, которая достигла четверти от общей численности бурятского этноса в Предбайкалье. Во-вторых, существенно трансформировалась социальная структура общества. Например, доля колхозников среди бурят Усть-Ордынского национального округа снизилась более чем в три раза с 61,6 % до 18,4 %, а доля рабочих и

⁹ Тармаханов Е.Е., Дамешек Л.М., Санжиева Т.Е. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа: уч. пос. для общеобраз. учреждений. Улан-Удэ, 2003. С. 161.

служащих выросла до 81,7 %. Однако значительный рост удельного веса рабочих во многом вызван увеличением числа совхозов и, соответственно, уменьшением колхозов. Количество последних за 1960–1968 гг. сократилось более чем в два раза с 58 до 28¹⁰.

Главной причиной падения рождаемости стал рост занятости женского населения в 1960-е гг. вследствие целенаправленно проводимой государственной политики. В дополнение к этому ограничительные меры в отношении личных подсобных хозяйств негативно отразились на доходах семей, особенно сельских. В результате занятость женщин в домашнем хозяйстве снизилась, а в промышленности, торговле и других отраслях экономики, наоборот, стала расти. Это привело к увеличению трудовой нагрузки и уменьшению свободного времени. Исследования демографов подтверждают, что рождаемость у находящихся на иждивении женщин (домохозяек) была заметно выше¹¹.

Интересно, что за 1970–1979 гг. рождаемость у бурятского населения сократилась незначительно – до 3,192 ребенка на одну женщину (по Иркутской области в целом – 2,164), тогда как в Бурятской АССР и Читинской области отмечено более существенное падение. Если первоначально буряты Предбайкалья быстрее других двигались по этапам демографического перехода, то затем темпы снизились. Главной причиной стало медленное повышение удельного веса городских жителей. Если еще в 1959 г. их доля у бурят Иркутской области была самой высокой среди районов преимущественного расселения, то спустя 20 лет, к 1979 г., они уступили Бурятской АССР (31,5 % и 35,9 %). А спустя десять лет, к 1989 г. отставание от республики увеличилось еще больше (35,0 % и 44,5 %). Уровень образования бурятского населения БАССР стал выше, чем у соплеменников, проживающих в Предбайкалье. Причем замедление динамики демографического перехода подтверждается материалами Всероссийской переписи 2010 г. с данными об *итоговой* рождаемости¹².

Отсутствие источников не позволяет сделать расчеты средней продолжительности жизни. Вероятнее всего, у бурят она не очень отличалась от среднеобластного уровня. Тем не менее, судя по косвенным данным, разница все-таки возросла. Известно, что со второй половины 1960-х и вплоть до начала 1980-х гг. смертность в стране повысилась. Так, если в 1965 г. ожидаемая продолжительность жизни в РСФСР достигла своего максимума за весь предшествующий исторический период – 69,61 лет, то через 15 лет, к 1980 г. она снизилась на два года, до 67,61 лет. В восточных районах смертность традиционно была выше, чем по России в целом. В Иркутской области в 1978/1979 гг. продолжительность жизни составила 64,59 лет, у бурят предположительно не больше 63,80 лет.

Исходя из динамики рождаемости, можно говорить о том, что у бурят Иркутской области со второй половины 1960-х гг. наступила вторая фаза демографического перехода. В это время произошло падение рождаемости, смертность несколько увеличилась, но эта тенденция была характерна не только для России, хотя в нашей стране она в отличие от других развитых промышленных государств очень сильно затянулась по времени. Необходимо отметить, что сокращение рождаемости в 1970-е гг. замедлилось во всех регионах преимущественного расселения. С одной стороны, в это время продолжал идти процесс модернизации социальной и экономической структур. У бурят Иркутской области снизилась доля сельских жителей, а также колхозников (до 12,8 % в 1979 г.) и повысилась доля служащих и занятых умственным трудом, т.е. происходил последовательный рост доли лиц с низкими репродуктивными установками¹³. С другой стороны, активизировалась государственная социальная политика: повысился размер заработной платы, шло интенсивное жилищное строительство, усилилась поддержка семей с низкими доходами. Например, обеспеченность жильем одного жителя в Усть-Ордынском автономном округе увеличилась за

¹⁰ Экономика и культура автономных областей и национальных округов. стат. сб. М., 1970. (ДСП). С. 307.

¹¹ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 173.

¹² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2013. Т. 10. Рождаемость. Кн. 2. С. 1227, 1241, 1251.

¹³ Национальный состав населения. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту, языку, состоянию в браке, уровню образования, общественным группам и источникам средств существования. По материалам Всесоюзной переписи населения 1979 года. Иркутск, 1981. (ДСП). С. 81–97.

20 лет в 1,7 раза (6,5 кв. м в 1960 г. и 11,0 кв. м в 1980 г.). Среднемесячная заработная плата выросла с 113,4 руб. в 1970 г. до 167,2 руб. в 1980 г., хотя оставалась меньше, чем по области в целом¹⁴. Повышение уровня благосостояния оказало позитивное воздействие на репродуктивные установки бурятских семей. Вследствие взаимодействия совокупности факторов рождаемость снизилась, но все же меньше, чем в 1960-е гг.

Большой интерес представляет изучение взаимодействия репродуктивного поведения и государственной демографической политики. Известно, что появление в 1981 г. частично оплачиваемого отпуска по уходу за новорожденным ребенком вплоть до достижения им возраста одного года, а также высокие общественные ожидания от Перестройки и социальной политики, проводимой руководством страны во главе с М.С. Горбачевым, оказали позитивное влияние на демографические показатели в Советском Союзе. Судя по материалам Бурятской АССР, русское население республики гораздо лучше среагировало на них, тогда как у бурят рождаемость увеличилась незначительно (18,1 % и 6,7 %) . Вероятнее всего, такая же тенденция наблюдалась и в Иркутской области. Это, косвенно подтверждают данные о рождаемости бурятского этноса за 1987 г., на основании которых можно предположить, что она увеличилась к 1989 г. только до 3,250 ребенка на одну женщину.

Из вышесказанного следует, что политика стимулирования рождаемости лучше действовала на национальности, находящиеся на завершающем – третьем этапе демографического перехода. Это косвенно подтверждают более существенный рост суммарного коэффициента у бурят-горожан, среди которых репродуктивное поведение к тому времени уже не особо отличалось от русского населения, а также расчеты демографов по другим этносам за аналогичный период. Так, в 1980-е гг., несмотря на меры стимулирования рождаемости, она существенно снизилась у таджиков, казахов, киргизов, азербайджанцев, грузин, находящихся на начальных или промежуточных фазах демографической модернизации.

Положительное воздействие на все население Советского Союза оказала антиалкогольная кампания, которая началась с середины 1980-х гг. К тому моменту потребление спиртных напитков в стране, в т.ч. среди бурят, достигло весьма высокого уровня. Это, например, косвенно подтверждают статистические данные по районам Усть-Ордынского автономного округа. По результатам кампании продолжительность жизни в области повысилась к 1989 г. до 67,28, а у бурятского населения предположительно до 66,50 лет.

Итак, мы выяснили, что рождаемость оставалась высокой, смертность не сильно отличалась от областных показателей, таким образом, воспроизводство населения было расширенным. Теперь необходимо выяснить причины медленного увеличения численности бурят в Предбайкалье в рассматриваемый период. Здесь мы сделаем попытку на основе имеющихся у нас данных проанализировать миграционные процессы. Следует иметь в виду, что впервые данные текущего учета о пространственных перемещениях национальностей были получены лишь в конце 1960-х гг. по ограниченному кругу областей и этносов и только по городскому населению.

В этой связи для определения количественных показателей этнической миграции необходимо обратиться к сведениям о ежегодном числе рождений и смертей (форма № 3). Эта информация позволит нам рассчитать естественный прирост, а затем, с использованием данных о численности бурят в периоды переписей – определить механический. К сожалению, точность описанного метода сильно зависит от ассимиляционных процессов и заметно снижается при их развитии. Именно поэтому данный метод можно применить только к некоторым национальностям¹⁵.

Согласно Всесоюзным переписям за 1959–1970 гг. численность бурят увеличилась всего на 2,8 тыс. чел. Одновременно с этим, по нашим примерным подсчетам (форма № 3 сохра-

¹⁴ Экономическое и социальное развитие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа за 50 лет. Иркутск, 1987. (ДСП). С. 53, 61.

¹⁵ Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Статистические источники и методы исследования пространственных перемещений бурятского населения в 1960–1980-е гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 416–418.

нились в архиве не за все годы), естественный прирост составил 17,3 тыс. чел. Из чего следует, что за пределы Иркутской области должны были выехать 14,5 тыс. чел., с учетом ассимиляции механический отток в 1959–1970 гг. в действительности оказался ниже, в пределах 12,2 тыс. чел. Часть населения выбыла в Бурятскую АССР, а также в Москву, Якутскую АССР, Красноярский край.

В 1970–1979 гг. численность бурятского населения области даже сократилась (на 2,2 тыс. чел.). И это при том, что естественный прирост составил около 9,2 тыс. чел. Следовательно, механическая убыль вновь оказалась высокой – 11,4 тыс. чел. Исходя из расчетов размеров ассимиляции, мы полагаем, что реальный отток бурятского населения из области составил не 11,4 тыс., а приблизительно 8,7 тыс. чел. Судя по тому, что республика в 1970–1978 гг. приняла намного меньше, чем в предыдущий межпереписной период, основная часть бурят выбыла в другие регионы Советского Союза. То есть, если раньше вплоть до начала 1970-х гг. миграции носили преимущественно «внутренний характер», в районах основного расселения, то теперь роль экономической мотивации в пространственных перемещениях усилилась. В 1979–1989 гг. численность бурят Иркутской области за 30-летний период увеличилась больше всего, сразу на 6,2 тыс. чел. Миграционная убыль бурятского населения из Иркутской области уменьшилась до 7,6 тыс. чел., а с учетом ассимиляции – примерно до 5,5 тыс. чел.

Итак, динамика численности бурятского населения Иркутской области отличалась спецификой, вызванной, главным образом, миграционными и ассимиляционными процессами. Темпы демографического перехода, которые первоначально в 1960-е гг. были самыми высокими, в последующие десятилетия замедлились, прежде всего, из-за умеренного роста доли городских жителей. Можно предположить, что данная тенденция частично вызвана оттоком за пределы Иркутской области лиц с изначально низкими репродуктивными установками. У оставшегося на месте населения желаемое число детей было выше, что отразилось на суммарном коэффициенте рождаемости. Вторая фаза демографической модернизации шла вплоть до начала 1990-х гг., когда социально-экономический и политический кризис привел к сокращению рождаемости, и буряты перешли к ее третьему этапу. Особенности естественного прироста и миграции повлияли на численность этноса в 1959–1989 гг., которая среди регионов преимущественного расселения увеличилась на самую небольшую величину.

Литература

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд.-во, 1963. 494 с.

Базаров Б.В. Этносоциальные процессы в современной Бурятии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 40–44.

Балдано М.Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 93–100.

Басаева К.Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

Белова В.А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.

Вишневецкий А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. 368 с.

Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Демографический переход бурят Республики Бурятия в 1959–2010 гг. // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 183–197.

Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Статистические источники и методы исследования пространственных перемещений бурятского населения в 1960–1980-е гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 416–418.

Жуковская Н.Л. От Карелии до Урала: рассказы о народах России: кн. для чтения по курсам «История род. края», «Народоведение». М.: ФЛИНТА, Наука, 1998. 320 с.

Занданова Л.В., Урожаева Т.П. Миграции как фактор формирования населения молодых индустриальных городов Приангарья в 70–80-е гг. XX века // Проблемы исторической демографии Сибири. сб. научн. тр. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 3. С. 176–188.

Затеев В.И., Хараев Б.В. Демографические аспекты этносоциальной структуры Бурятии // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 115–121.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: Статистика России, 2013. Т. 10. Рождаемость. Кн. 2. С. 875–1791.

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). Очерки. М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1940. 242 с.

Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: [б.и.], 1995. 132 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Стат. ежегодн. М.: ЦСУ РСФСР, 1961. 624 с.

Национальный состав населения. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту, языку, состоянию в браке, уровню образования, общественным группам и источникам средств существования. По материалам Всесоюзной переписи населения 1979 года. Иркутск: Иркутскстат, 1981. (ДСП). 98 с.

Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. 191 с.

Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных исследований). М.: Статистика, 1974. 183 с.

Тармаханов Е.Е., Дамешек Л.М., Санжиева Т.Е. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа: уч. пос. для общеобраз. учреждений. Улан-Удэ: Изд.-во БГУ, 2003. 192 с.

Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 335 с.

Ханхараев В.С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 148 с.

Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск: Изд.-во Иркут. ун-та, 1991. 176 с.

Экономика и культура автономных областей и национальных округов. стат. сб. М.: ЦСУ РСФСР, 1970. (ДСП). 400 с.

Экономическое и социальное развитие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа за 50 лет. Иркутск: Иркутскстат, 1987. (ДСП). 74 с.

References

Asalkhanov, I.A. (1963). *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Yugo-Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v.* [Socio-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of the XIX century]. Ulan-Ude, Buryat kn. izd.-vo. 494 p.

Baldano, M.N. (2011). Urbanizatsionnye protsessy v Buryatii v 1930-e gg. [Urbanization processes in Buryatia in the 1930-s.]. In *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 2, pp. 93–100.

Basaeva, K.D. (1980). *Semya i brak u buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Family and marriage among the Buryats (second half of the 19th – early 20th century)]. Novosibirsk, Nauka. 224 p.

Bazarov, B.V. (2015). Etnosotsialnye processy v sovremennoy Buryatii [Ethno-social processes in modern Buryatia]. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. No. 4, pp. 40–44.

Belova, V.A. (1975). *Chislo detey v seme* [Number of children in the family]. Moscow, Statistika. 176 p.

Dashinamzhilov, O.B., Lygdenova, V.V. (2018). Statisticheskie istochniki i metody issledovaniya prostranstvennykh peremeshcheniy buryatskogo naseleniya v 1960–1980-e gg. [Statistical sources and methods for studying spatial movements of the Buryat population in the 1960s and 1980s.]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Vol. 24, pp. 416–418.

Dashinamzhilov, O.B., Lygdenova, V.V. (2019). Demograficheskiy perekhod buryat Respubliki Buryatiya v 1959–2010 gg. [Demographic transition of the Buryats of the Republic of Buryatia in 1959–2010]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 183–197.

(1987). *Ekonomicheskoe i sotsialnoe razvitie Ust-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga za 50 let* [Economic and social development of the Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug for 50 years]. Irkutsk, Irkutskstat. (DSP). 74 p.

(1970). *Ekonomika i kultura avtonomnykh oblastey i natsionalnykh okrugov* [Economy and culture of Autonomous regions and national districts]. Stat. sb. Moscow, CSU RSFSR. (DSP). 400 p.

(2013). *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda*. [Results of the all-Russian population census of 2010]. Moscow, Statistika Rossii. Vol. 10. Rozhdaemost. B. 2, pp. 875–1791.

Khankharaev, V.S. (2001). *Buryaty v XVII–XVIII vv.: demograficheskaya istoriya i etnicheskie protsessy* [Buryats in the 17th–18th centuries: demographic history and ethnic processes]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN. 148 p.

Kudryavtsev, F.A. (1940). *Istoriya buryat-mongolskogo naroda (ot XVII v. do 60-kh godov XIX v.)*. *Ocherki* [History of the Buryat-Mongol people. (From the 17th century to the 60s of the 19th century). Essays]. Moscow; Leningrad, Izd.-vo AN SSSR. 242 p.

Mangataeva, D.D. (1995). *Naselenie Buryatii: tendentsii formirovaniya i razvitiya* [The population of Buryatia Republic: tendencies of formation and development]. Ulan-Ude, [s.l.]. 132 p.

(1961). *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1960 godu* [National economy of the RSFSR in 1960]. Stat. ezhegodn. Moscow, TsSU RSFSR. 624 p.

(1981). *Natsionalnyy sostav naseleniya. Raspreделение naseleniya otdelnykh natsionalnostey po polu, vozrastu, yazyku, sostoyaniyu v brake, urovnyu obrazovaniya, obshchestvennym gruppam i istochnikam sredstv sushchestvovaniya. Po materialam Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1979 goda* [National composition of the population. Distribution of the population of individual nationalities by gender, age, language, marital status, level of education, social groups and sources of livelihood. Based on the materials of the all-Union population census of 1979]. Irkutsk, Irkutskstat. (DSP). 98 p.

Sadvokasova, E.A. (1969). *Sotsialno-gigienicheskie aspekty regulirovaniya razmerov semi* [Social and hygienic aspects of family size regulation]. Moscow, Meditsina. 191 p.

Sifman, R.I. (1974). *Dinamika rozhdaemosti v SSSR (po materialam vyborochnykh issledovaniy)* [Dynamics of the birth rate in the USSR (based on the materials of sample studies)]. Moscow, Statistika. 183 p.

Tarmakhanov, E.E., Dameshek, L.M., Sanzhieva, T.E. (2003). *Istoriya Ust-Ordynskogo buryatskogo avtonomnogo okruga: uch. pos. dlya obshcheobraz. uchrezhdeniy* [History of the Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug: textbook for general educational institutions]. Ulan-Ude, Izd.-vo BGU. 192 p.

Tsykunov, G.A. (1991). *Angaro-Yeniseyskie TPK: problemy i opyt (istoricheskiy aspekt)* [Angara-Yenisei Territorial Industrial Complexes: problems and experience (historical aspect)]. Irkutsk, Izd.-vo Irkut. un.-ta. 176 p.

Urlanis, B.C. (1974). *Problemy dinamiki naseleniya SSSR* [Problems of population dynamics in the USSR]. Moscow, Nauka. 335 p.

Vishnevskiy, A.G. (2005). *Izbrannye demograficheskie trudy. Selected demographic works: in 2 vol.* Moscow, Nauka. Vol. 1. Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya [Demographic theory and demographic history]. 368 p.

Zandanova, L.V., Urozhaeva, T.P. *Migratsii kak faktor formirovaniya naseleniya molodyh industrialnykh gorodov Priangarya v 70–80-e gg. XX veka* [Migration as a factor in the formation of the population of young industrial cities in the Angara region in the 70s–80s. 20th century] *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri*. sb. nauchn. tr. Novosibirsk: Parallel, 2013. Iss. 3, pp. 176–188.

Zateev, V.I., Kharaev, B.V. (2002). *Demograficheskie aspekty etnosotsialnoy struktury Buryatii* [Demographic aspects of the ethnic and social structure of Buryatia]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 115–121.

Zhukovskaya, N.L. (1998). *Ot Karelii do Urala: rasskazy o narodakh Rossii: kn. dlya chteniya po kursam “Istoriya rod. Kraya”, “Narodovedenie”* [From Karelia to the Urals: stories about the peoples of Russia: a book for reading on the courses “History of Russian edges”, “folk Studies”]. Moscow, FLINTA. 320 p.

Статья поступила в редакцию 30.05.2020 г.